

*Крюкова О.С.**

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ КЛАССИЧЕСКОЙ И МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[©]

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения классической и массовой литературы в литературной иерархии. Целью исследования является сравнительный анализ повествовательных стратегий, характерных для этих типов литературы. Сделан вывод о сложности выделения повествовательной стратегии, свойственной исключительно классике или только массовой литературе. Цели использования таких повествовательных стратегий, как авантюренность, диалогичность и демонстративная литературность, в том или ином произведении могут существенно различаться.

Ключевые слова: массовая литература; классическая литература; литература; повествовательные стратегии; интертекстуальность.

Поступила: 01.07.2022

Принята к печати: 20.07.2022

* *Крюкова Ольга Сергеевна* – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия, e-mail: florin2002@yandex.ru

Kryukova Olga Sergeevna – DSc in Philology, Head of the Department of Verbal Arts, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia, e-mail: florin2002@yandex.ru

© Крюкова О.С., 2022

Kryukova O.S.

Narrative strategies of classical and mass literature

Abstract. The article is devoted to the problem of differentiation of classical and mass literature in the literary hierarchy. The aim of the study is a comparative analysis of narrative strategies that are characteristic of both these types of literature. The conclusion is made about the difficulty of identifying a narrative strategy peculiar exclusively to classics or only to mass literature. The goals of using such narrative strategies as adventurousness, “dialogicity” and demonstrative literariness in a particular work may differ significantly.

Keywords: mass literature; classical literature; network literature; narrative strategies; intertextuality.

Received: 01.07.2022

Accepted: 20.07.2022

Для цитирования: Крюкова О.С. Повествовательные стратегии классической и массовой литературы // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 168–176. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.12

Проблема соотношения классической и массовой литературы неизменно привлекает внимание литературоведов и культурологов, которые обращаются и к специфике массовой литературы как таковой [Кузнецова, Луков Вл. А., Луков М.В., 2018; Литвиненко, 2002], и к аксиологии массовой литературы [Татарникова, 2015], и к особенностям поэтики как отдельных произведений, так и массовой литературы в целом [Мищенко, 2009; Черняк, 2009]. Между тем работ, исследующих именно повествовательные стратегии массовой литературы, весьма немного [Щировская, 2006].

Противопоставление классической и массовой литературы является отражением оппозиции «высокой» и массовой культуры. Классическая литература – это литературный канон, классика, дословно – это образец, то, что читают в классе. Принадлежность произведения к массовой литературе предполагает трехкомпонентную оппозицию: классика – беллетристика – массовая литература. В западном литературоведении используются термины «паралитература», «тривиальная», «популярная литература» [Черняк, 2009, с. 5; Артамонова, Тули-

на, 2019]. В настоящее время употребляется также термин «сетература» [Гаджиев, 2012], который применяется в отношении к интернет-дискурсу. М.А. Черняк приводит еще одно определение феномена массовой литературы: «Массовая литература выступает как достаточно универсальный термин, возникший в результате размежевания художественной литературы по ее эстетическому качеству и обозначающий нижний ярус литературы, включающий в себя произведения, которые не входят в официальную литературную иерархию своего времени...» [Черняк, 2009, с. 6] Наконец, еще один термин, вынесенный в заглавие данной статьи, «повествовательные стратегии», означает, по мнению И.В. Некрасовой, не только особенности построения сюжета в литературном произведении, но и отношение автора к изображаемому: «повествование, ориентированное не столько на сюжет, сколько на весь текст, способствует созданию целостности произведения» [Некрасова, 2018, с. 54].

На первый взгляд кажется, что произведения, принадлежащие к разным иерархическим типам литературы, должны различаться своими повествовательными стратегиями, манерой повествования. Но справедливо ли это?

Возьмем для примера такой повествовательный прием, как авантюренность. Массовая российская литература охотно и широко пользуется этим приемом начиная с повествования о «милорде Георге» в XVIII в. Современные детективы разных мастей, романы Бориса Акунина о сыщике Фандорине построены именно на авантюренности. Но ведь и в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова использован этот повествовательный прием, и более того, авантюренность сюжета перекликается с такой чертой характера главного героя, как авантюризм. Другой известный пример – поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души», в которой ощущается влияние плутовского романа. Без авантюры Чичикова не было бы и всей поэмы. К авантюрному роману или сходным жанровым разновидностям можно отнести и романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1927) и «Золотой теленок» (1931), а также некоторые произведения А.Н. Толстого.

И в произведениях беллетристики, и в произведениях массовой литературы авантюренность сюжета обеспечивает и занимательность, и устойчивый читательский интерес. И этим же приемом авантюренности сюжета нередко пользуется и классика: и в целях оживления повест-

ования, и в целях испытания героя, как это происходит, например, в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова. Неожиданные для читателя повороты судьбы героя мы находим в таких классических произведениях, как «Капитанская дочка», «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина; «Накануне» И.С. Тургенева, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Не случайно многие авантюрные произведения, в том числе и произведения, рассчитанные на детскую и подростковую аудиторию, начинаются со слова «приключения»: «Приключения Оливера Твиста» Чарльза Диккенса, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А.Н. Толстого, «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина.

Еще одна повествовательная стратегия, которой пользуется как классическая литература, так и беллетристика, а тем более массовая литература, – это смена рассказчика. Разнообразие рассказчиков в «Герое нашего времени» позволяет с разных сторон охарактеризовать личность Печорина, а в романе У. Коллинза «Женщина в белом» – создать завесу тайны над странным происшествием.

Смена времени и места повествования также является повествовательной стратегией. В исторической драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» время и место действия меняются неоднократно, что делает эту пьесу трудной для сценического воплощения. И хотя во времена Пушкина еще не было кинематографа, поэт своим произведением как бы предвосхитил кинематографические приемы.

Хронотопическая изменчивость свойственна и многим произведениям массовой литературы: действие может переноситься в далекое прошлое, в экзотические страны и даже в иные, внегалактические цивилизации. И в произведениях современной литературы, еще не ранжированной по степени их отнесенности к классике или беллетристике, также можно увидеть хронотопические сдвиги. Так, например, новый роман Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» (издан в 2022 г.), с подзаголовком «Жизнеописание в картинках», построен как «гирлянда» ярких эпизодов детства, юности и зрелости героя, его профессионального роста на родине и в эмиграции, сгруппированных условно-хронологически. Место действия – Ленинград, его дачные окрестности, литовские Друскеники, куда мальчика вывозили на лето, а также Израиль, куда в 1990 г. герой эмигрировал с женой и двумя сыновьями и где пытался продолжить свою медицинскую карьеру.

Хронотопическая изменчивость свойственна и роману М.А. Замшева «Концертмейстер» (2020). Автор обращается к судьбе профессионального музыканта Арсения Храповицкого, показывая героя и его семейное окружение в переплетении с судьбами его знакомых и знакомых его родственников. В семи частях романа действие переносится, непоследовательно, в разные временные отрезки, диапазоном от 1948 до 1985 г. Роман начинается с события, которое произошло в 1985 г., – с возвращения «блудного сына» в Москву, в композиторский дом на улице Огарева.

События разворачиваются преимущественно в Москве, где живут Храповицкие и Норштейны, затем действие частично переносится в Ленинград, куда после семейного разрыва уезжают отец с Арсением. Несколько эпизодов происходят во Владимире, где обитает любовник матери Арсения – Волдемар Саблин, врач по профессии и диссидент.

Хронологическая прерывистость является одной из повествовательных стратегий в этом романе: обращение к прошлому семьи помогает понять истоки того или иного характера, выявляет семейные «скелеты в шкафу», нарушает читательские ожидания, закручивая тем самым интригу. Перенос действия из Москвы в Петербург, помимо традиционного противопоставления двух столиц, демонстрирует не столько несколько иной стиль жизни, сколько стадии взросления главного героя. Хронотопическое разнообразие в этом произведении выполняет, в том числе, сюжетообразующую функцию.

Еще одна повествовательная стратегия, характерная как для классической, так и для массовой литературы, – это диалогичность. В классической литературе образцовой формой этой стратегии является роман в письмах, например «Бедные люди» Ф.М. Достоевского. Подчеркнутая диалогичность организует полифонические романы Достоевского. В произведениях массовой литературы диалогов в принципе много, но они не имеют идеологического или философского подтекста.

Повествовательные стратегии связаны с такой фундаментальной литературоведческой категорией, как категория автора. В классических романах XIX в. автор может быть выражен неявно, как у Тургенева, «тайного психолога», но он есть обязательно, задача же читателя – увидеть признаки его присутствия в тексте, начиная от мнимого издателя и предисловия, как в «Повестях Белкина», и заканчивая разно-

стью между Онегиным и поэтом, создавшим роман, между Гоголем и повествователем в «Мертвых душах». Провозглашая смерть автора, постмодернизм деконструирует реальность и в то же время еще больше запутывает читателя.

В современной российской литературе есть произведение, где метафора «смерть автора» реализуется в тексте и становится основой сюжета. Это роман Юрия Полякова «Козленок в молоке», в котором Витек Акашин, человек рабочей профессии, совершенно не имеющий никакого отношения к литературе, в результате пари двух нетрезвых литераторов становится раскрученным писателем, а рукопись его романа в конце концов оказывается стопкой пустых страниц. Объектом сатиры в этом произведении становится литературная и околосредовая среда, напоминающая среду завсегдатаев «Грибоедова» в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова.

Литературность – еще одно общее свойство классической и массовой литературы, однако природа этого явления в том и другом случае различна. Цитаты, реминисценции, аллюзии – неотъемлемое качество классики. Вспомним символы Дома Турбиных: это не только кремовые шторы, но и пушкинская «Капитанская дочка» и Наташа Ростова из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», и герои этих упомянутых у М.А. Булгакова произведений не случайно живут во времена испытаний русской государственности.

Литературность массовой литературы, по справедливому замечанию Л. Гудкова и Б. Дубина, означает «онтологичность изображения реальности» [Гудков, Дубин, 1994, с. 72]. «Маркеры интертекстуальности, – подчеркивает М.А. Черняк, – могут быть подготовлены автором массовой литературы в виде прямого указания на источник в сносках или словах кого-нибудь из персонажей или в эпиграфах, они в какой-то степени помогают “наивному” читателю атрибутировать текст. Типология интертекстуальных элементов и связей в массовой литературе может быть представлена дописыванием текста, различными вариациями на тему предтекста и др.» [Черняк, 2009, с. 219–220]. В качестве примера подобного рода можно привести роман Б. Акунина «Ф.М.», представляющий собой псевдочерновик «Преступления и наказания» Достоевского и сопутствующую детективную историю.

Таким образом, сложно выделить повествовательную стратегию, характерную исключительно для классики, для беллетристики или же для массовой литературы. И авантюренность, и диалогичность, и смена рассказчика, и демонстративная литературность используются как в классических произведениях, так и в произведениях беллетристики и массовой литературы, однако цели использования повествовательных стратегий в том или ином произведении могут существенно различаться. Принадлежность произведения к одной из названных выше групп, его место в литературной иерархии определяется иным – степенью художественности.

Список литературы

Артамонова М.В., Тулина Е.В. Сравнительный анализ восприятия массовой литературы западными и российскими читателями // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 458–461. – URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019/3/96> (Дата обращения: 20.06.22)

Гаджиев, Асиф Аббас оглу. Сетература : история, типология и поэтика русской сетевой литературы : Тезисы лекций в Бакинском славянском университете. – Баку : Мутарджим, 2012. – 76 с.

Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт : статьи по социологии литературы. – Москва : Новое литературное обозрение, 1994. – 350 с.

Кузнецова Т.Ф., Луков Вл. А., Луков М.В. «Масса», «массовая культура», «массовая литература» // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2018. – № 7. – С. 6.

Купина Н.А. Массовая литература сегодня. – Москва : Флинта, 2009. – 423 с.

Литвиненко Н.А. Массовая литература и феномен массового в литературе и культуре : некоторые аспекты // Вестник Университета Российской академии образования. – 2002. – № 1. – С. 4–33.

Макаров А.Н., Тютюнник И.А., Тютюнник С.И. Становление, развитие и тенденции тривиальной (массовой) литературы в Германии // Общество. Наука. Инновации : Сборник статей XIX Всероссийской научно-практической конференции : в 4 т. / Вятский государственный университет. – 2019. – С. 619–624.

Мищенко Т.А. «Чайка» Б. Акунина – феномен массовой литературы // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 1(29). – С. 131–138.

Некрасова И.В. Современная русская проза: закономерности, тенденции, имена : научно-методическое пособие. – Брно : Tribun EU, 2018. – 208 с.

Татарникова Л.Р. Аксиосфера современной массовой литературы // Россия – Запад – Восток: взаимодействие культур и литератур / под ред. Т.В. Воронченко. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2015. – С. 93–96.

Черняк М.А. Массовая литература XX века : учеб. пособие. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 432 с.

Щиrowsкая Т.Н. Типология сюжетов в произведениях отечественной массовой литературы 1990–2000-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2006. – 23 с.

References

Artamonova, M.V., Tulina, E.V. Sravnitel'nyj analiz vospriyatiya massovoj literatury zapadnymi i rossijskimi chitatel'yami [Comparative analysis of the perception of mass literature by Western and Russian readers]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., Vol. 12, 2019, issue. 3, pp. 458–461. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019/3/96> (Date of access: 20.06.22) (In Russ.)

Gadzhiev, Asif Abbas oglu. *Seteratura: istoriya, tipologiya i poetika russkoj setevoj literatury. Tezisy lekcij v Bakinskom slavyanskom universitete* [Netliterature: history, typology and poetics of Russian Netliterature. Abstracts of lectures at Baku Slavic University]. Baku, Mutardzhim Publ., 2012. 76 p. (In Russ.)

Gudkov, L., Dubin, B. *Literatura kak social'nyj institut: Stat'i po sociologii literatury* [Literature as a social institution: Articles on the sociology of literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1994. 350 p. (In Russ.)

Kuznecova, T.F., Lukov, V.I.A., Lukov, M.V. «Massa», «massovaya kul'tura», «massovaya literatura» [“Mass”, “mass culture”, “mass literature”]. In *Nauchnyj vestnik Gumanitarno-social'nogo instituta*, no 7, 2018, p. 6. (In Russ.)

Kupina, N.A. *Massovaya literatura segodnya* [Mass literature today]. Moscow, Flinta Publ., 2009. 423 p. (In Russ.)

Litvinenko, N.A. Massovaya literatura i fenomen massovogo v literature i kul'ture: nekotorye aspekty [Mass literature and the phenomenon of mass in literature and culture: some aspects]. In *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya*, no 1, 2002, pp. 4–33. (In Russ.)

Makarov, A.N., Tyutyunnik, I.A., Tyutyunnik, S.I. Stanovlenie, razvitie i tendencii trivial'noj (massovoj) literatury v Germanii [Formation, development and trends of trivial (mass) literature in Germany]. In *Obshchestvo. Nauka. Innovacii. Sbornik statej XIX Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii: v 4 t. Vyatskij gosudarstvennyj universitet*, Kirov, Vyatskij gosudarstvennyj universite Publ., 2019, pp. 619–624. (In Russ.)

Mishchenko T.A. “Chajka” B. Akunina – fenomen massovoj literatury [“The Seagull” by B. Akunin – the phenomenon of mass literature]. In *Gumanitarnye issledovaniya*, no 1 (29), 2009, pp. 131–138. (In Russ.)

Nekrasova, I.V. *Sovremennaya russkaya proza: zakonovernosti, tendencii, imena: nauchno-metodicheskoe posobie* [Modern Russian prose: patterns, trends, names: a scientific and methodological manual]. Brno, Tribun EU Publ., 2018, 208 p. (In Russ.)

Tatarnikova, L.R. Aksiosfera sovremennoj massovoj literatury [Axiosphere of modern mass literature]. In *Rossiya – Zapad – Vostok: vzaimodejstvie kul'tur i literatur* / Pod red. T.V. Voronchenko [Russia – West – East: Interaction of cultures and Literatures / edited by T.V. Voronchenko]. Chita : Zabajkalskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2015, pp. 93–96. (In Russ.)

Chernyak, M.A. *Massovaya literatura XX veka: ucheb. posobie* [Mass literature of the twentieth century: studies. Manual], 3-e izd. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009, 432 p. (In Russ.).

Shchirovskaya, T.N. *Tipologiya syuzhetov v proizvedeniyah otechestvennoj massovoj literatury 1990–2000-h godov* [Typology of plots in the works of Russian mass literature of the 1990 s–2000 s]. Avtoreferat diss. ... kand. filol. Nauk. Armavir, Armavirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2006, 23 p. (In Russ.).